

ТАТЬЯНА МЭЙ

МЕЖДУ СТРОК

Татьяна Мэй

Между строк

<https://litres.ru/74672457>

SelfPub; 2026

Аннотация

Теперь Вика пишет тексты для чужих песен, потому что свои слишком громкие. Денис собирает истории людей, которые находят себя после потерь, — чтобы не рассказывать свою. Они случайно встречаются на свадьбе общего друга и вынуждены провести вечер за одним столом.

Содержание

Глава 2. Чужими словами	11
Глава 3. Фрагмент	15
Глава 4. Фейерверк	19
Глава 5. Одиннадцать слов	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Татьяна Мэй

Между строк

Глава 1. Стол № 7

Вика опоздала на свадьбу ровно настолько, чтобы войти в зал, когда все уже расселись, и сделать вид, что так и было задумано.

Она поправила платье — тёмно-зелёное, без блеска, с карманами, в которые можно спрятать руки, если станет невыносимо, — и толкнула стеклянную дверь. Внутри пахло белыми цветами, горячим воском и чужим счастьем. Оркестр играл что-то тёплое, но не настолько, чтобы заглушить стук её каблучков. Вика шла вдоль стены, кивала знакомым, улыбалась Артёму, который махал ей от главного стола с видом человека, только что выигравшего в лотерею собственную жизнь.

И тогда она увидела Дениса.

Он сидел спиной, но она узнала его сразу. По тому, как он держал бокал — чуть отставив мизинец, будто всё ещё извинялся за привычку, — по линии плеч, по короткому кивку, которым он отвечал кому-то слева. Восемь лет. Восемь лет она не видела эту спину и почти убедила себя, что не узнала бы.

Узнала.

Вика остановилась так резко, что официант с подносом

едва не врезался в неё.

— Девушка, вы к столу? — спросил он.

— Я... да. Наверное.

Она достала из сумочки карточку с рассадкой. Бумажка была помятая, потому что Вика мяла её всю дорогу в такси. «Стол № 7. Виктория Лебедева». Она подняла глаза. Стол номер семь стоял почти в центре, украшенный ветками эвкалипта и толстыми свечами. За ним уже сидели шесть человек. Седьмым, спиной к ней, — Денис.

Вика мысленно пересчитала все решения, которые привели её сюда. Приехать. Надеть это платье. Не ответить на сообщение Артёма «ты точно будешь?» до самого последнего момента. И теперь — стоять посреди зала, как девочка, забывшая текст на сцене.

Она могла уйти. Могла подойти к Артёму, сказать, что ей нужно срочно позвонить, что у неё мигрень, что она забыла выключить утюг. Могла написать ему утром, что подвернула ногу. Он бы понял. Он всегда понимал слишком много.

Но Вика уже шла к седьмому столу.

— Вика! — Артём успел перехватить её по дороге, обнял, пахнув одеколоном и счастьем. — Ты пришла. Я думал, ты снова будешь писать чужие хиты в субботу вечером.

— Я и буду, — сказала она. — Просто сначала поем бесплатно.

Он засмеялся, но глаза у него были внимательные. Он знал. Конечно, он знал. Это он когда-то был общим другом,

который устал носить их ссору, как чемодан без ручки.

— Ты за седьмой, — сказал Артём. — Там как раз... все свои.

— Все свои, — повторила Вика.

Она не спросила, кто именно. Он не сказал.

За столом номер семь Денис уже обернулся. Он смотрел на неё, и лицо у него было точно такое же, как у неё секунду назад: будто человек увидел привидение и пытается вспомнить, верить ли в них вообще.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — сказала Вика.

Пауза выросла до размеров слона, и кто-то за столом — кажется, женщина в синем — поспешно подвинула стул.

— Садись сюда. Тут свободно.

Вика села. Между ней и Денисом оказалось полтора метра белой скатерти и ваза с ветками, которые пахли так сильно, что можно было оправдать любую неловкость аллергией.

— Ты выглядишь... — начал Денис и остановился.

— Как человек, который опоздал на свадьбу? — подсказала она.

— Как человек, который знает, что делает, — сказал он.

— Тёмно-зелёный тебе всегда шёл.

Вика почувствовала, как что-то внутри неё дёрнулось. Не больно. Просто очень старое.

— Спасибо, — сказала она. — Ты тоже. Галстук не ужасный.

— Это комплимент?

— Это констатация факта. Не приписывай мне щедрость.

Он усмехнулся. И Вика поймала себя на том, что ждала эту усмешку. Не хотела ждать, но ждала.

За столом потекли обычные свадебные разговоры. Кто-то спросил, как ей работается в музыкальной индустрии, и Вика сказала, что пишет тексты для людей, у которых нет времени писать свои. Кто-то спросил Дениса, над чем он сейчас работает, и он ответил: «Делаю проект о том, как люди находят себя после потерь». Вика смотрела в тарелку и думала, что это очень похоже на него. Собирать чужие истории, чтобы не рассказывать свою.

— Ты всё ещё пишешь по ночам? — спросил Денис, когда тарелки унесли.

Вика пожала плечами.

— Ночью меньше отвлекают.

— И больше вдохновляют.

— Ты помнишь.

Она сказала это раньше, чем успела остановиться. Денис посмотрел на неё, и в его взгляде было что-то осторожное, как шаг по тонкому льду.

— Я многое помню, — сказал он. — Например, что ты всегда ела сначала самое нелюбимое, чтобы оставить лучшее на конец.

Вика посмотрела на свою тарелку. Она действительно только что съела брокколи, оставив картофель с розмари-

НОМ.

— Это стратегия выживания, — сказала она. — Не привычка.

— А по-моему, это очень по-твоему.

— По-моему, ты до сих пор считаешь, что знаешь меня лучше, чем я себя.

— Нет, — сказал Денис тихо. — Я так больше не считаю.

За столом кто-то поднял тост. Все потянулись к бокалам. Вика взяла свой — с белым вином, которое она почти не пила, — и вдруг поняла, что не знает, куда деть руки. Словно в этот момент все её карманы стали тесными.

Денис поднял свой бокал. Он не смотрел на неё, но его локоть оказался совсем близко. Между ними всё ещё были полтора метра скатерти, ваза и восемь лет, но почему-то казалось, что расстояние можно измерить вдохами.

— За Артёма, — сказал он.

— За Артёма, — повторила Вика.

Бокалы не встретились. Они просто поднялись почти одновременно и опустились тоже почти одновременно.

Оркестр заиграл громче. Кто-то позвал танцевать. Женщина в синем ушла к фотографу. За столом стало просторнее, и Вика вдруг почувствовала, что если сейчас не скажет что-нибудь обычное, то скажет что-нибудь настоящее.

— Ты давно в городе? — спросила она.

— Вернулся два месяца назад.

— И как?

— Как человек, который восемь лет учился не возвращаться.

Вика кивнула. Она не стала спрашивать, почему вернулся. Она знала, что не имеет права. Или имела, но не хотела этого права.

Денис вдруг наклонился к ней и сказал почти шёпотом:

— Помнишь, как мы на свадьбе у Лёши делали вид, что не знаем друг друга, потому что поссорились из-за того, кто должен был нести торт?

Вика фыркнула. Не хотела, но фыркнула.

— Это был не торт. Это был салат.

— Точно. Ты сказала, что я несу его, как чемпион по кёрлингу.

— А ты сказал, что я командую, как будто у меня в кармане лежит диплом.

— У тебя его не было.

— У меня его и сейчас нет, — сказала Вика. — Но я всё ещё командую.

Они оба замолчали. И в этой паузе было что-то странное: не примирение, не прощение, даже не разговор. Просто два человека, которые когда-то знали друг друга так хорошо, что теперь не знали, как стоять рядом.

Вика взяла свой бокал и поставила его на скатерть — чуть ближе к центру, почти к руке Дениса. Не чокнулась. Не сказала ни слова. Просто поставила.

Денис опустил глаза. Посмотрел на её бокал. Потом на

свой. Медленно, почти незаметно, он сдвинул свой бокал на пару сантиметров в её сторону.

Они не улыбнулись. Не сказали «за мир». Не признали, что это что-то значит.

Но над белой скатертью, между ветками эвкалипта и остывшим картофелем, стояли два бокала — почти рядом. Как флаг перемирия, который никто не решился назвать вслух.

Глава 2. Чужими словами

К десерту за столом номер семь осталось пять человек, и Вика поняла, что это самое опасное число. Пятеро — это уже не толпа, где можно спрятаться за чужим смехом. Пятеро — это почти разговор.

Женщина в синем вернулась с фотографом и потребовала «всех, кто любит Артёма, поднять руки». Все подняли. Вика подняла чуть позже остальных, и Денис это заметил. Он вообще замечал слишком много для человека, который восемь лет не должен был смотреть в её сторону.

— Ты не любишь групповые фото, — сказал он, когда фотограф ушёл.

— Я не люблю, когда меня фотографируют в момент, когда я думаю о чём-то другом.

— А о чём ты думала?

Вика повернулась к нему. На нём был тёмно-синий костюм, немного мятый в плечах, и рубашка без галстука — галстук он всё-таки снял, и теперь воротник был расстёгнут на одну пуговицу. Она помнила, что он всегда так делал к середине вечера. Снимал галстук, как будто снимал роль.

— Я думала о том, что торт, кажется, будет с фисташкой, — сказала она. — А я не люблю фисташку.

— Ты любишь фисташку.

— Я любила фисташку. Люди меняются.

— Люди меняются, — согласился Денис. — Но не в отношении фисташки.

Вика хотела ответить что-то колкое, но вместо этого взяла ложку и принялась рассматривать скатерть. Белая, крахмальная, с едва заметным узором. Если долго смотреть, можно было представить, что это карта. Острова. Берега. Места, где они никогда не были.

— Ты сейчас над чем работаешь? — спросил Денис. — Кроме тортов и чужих хитов.

— Над альбомом для одной певицы. Она поёт о том, как сложно любить. Я пишу о том, как сложно любить. Вместе получается очень убедительно.

— А про что ты пишешь для себя?

Вика подняла на него глаза.

— В смысле?

— Ну, у тебя же есть что-то своё. Не для заказчика. Не для певицы, которая поёт о любви в трёх октавах. Своё.

Она положила ложку. Аккуратно, чтобы не звякнула.

— Я пишу только для других, — сказала она. — Так проще.

— Проще что?

— Проще не отвечать на вопросы, которые ты задаёшь.

Денис не отвёл взгляд. Он вообще не отводил взгляд, и это было хуже всего. Вика привыкла, что люди отводят глаза, когда она шутит. Это такой социальный рефлекс: пошутил — все отвернулись, можно выдохнуть. Денис не отвернулся.

— Ты всегда так делала, — сказал он.

— Что делала?

— Пряталась за чужими словами.

Вика почувствовала, как что-то внутри неё сжалось. Не больно. Просто очень точно.

— Я не прячусь. Я работаю.

— Я не про работу.

— А про что?

— Про то, как ты в школе писала сочинения за весь класс. Помнишь? У тебя был список тем, и ты подбирала каждому его собственный голос. Кате — про любовь к родине, потому что она не умела говорить о любви. Мише — про свободу, потому что он боялся её. А себе ты никогда ничего не писала.

Вика смотрела на него и думала, что он не имеет права это помнить. Не имеет права сидеть за этим столом, в этом костюме, с этим расстёгнутым воротником, и говорить о ней так, будто он всё ещё её знает.

— Ты сейчас пытаешься меня проанализировать? — спросила она. — Или это часть твоего проекта о людях, которые находят себя после потерь?

— Это просто разговор.

— Нет, — сказала Вика. — Ты никогда не говоришь просто так. Ты всегда собираешь материал.

Он откинулся на спинку стула. На секунду ей показалось, что она его ударила. Не сильно, но в самое слабое место.

— Справедливо, — сказал он.

— Я знаю.

— Но я всё равно спрошу. Ты пишешь что-то своё?

Вика взяла бокал. Вино было тёплым и слишком сладким. Она сделала глоток и поставила бокал обратно, почти на то же место, где он стоял раньше — рядом с его бокалом. Она не специально. Просто рука сама.

— Я пишу чужими словами, потому что свои слишком громкие, — сказала она.

Это вырвалось раньше, чем она успела придумать шутку. Раньше, чем успела спрятаться. Вика замолчала и посмотрела на скатерть, на карту островов, которые никуда не вели.

Денис ничего не сказал. Он просто сидел рядом, и его молчание было не пустым, а каким-то очень внимательным. Как будто он держал в руках что-то хрупкое и боялся уронить.

Оркестр заиграл медленную песню. Кто-то за соседним столом засмеялся. Женщина в синем ушла танцевать с мужчиной в клетчатом пиджаке.

А Вика всё смотрела на два бокала, стоящих почти рядом, и думала, что впервые за восемь лет сказала правду человеку, который не должен был её слышать.

Глава 3. Фрагмент

На балкон Вика вышла, когда поняла, что ещё минута за столом — и она либо закричит, либо заплачет. Ни то, ни другое не входило в её планы на вечер.

Снаружи было прохладно. Город светился внизу жёлтыми и белыми огнями, и где-то далеко, за крышами, небо уже начинало темнеть по-настоящему. Вика облокотилась на перила и сделала глубокий вдох. Воздух пах мокрым камнем и чужими сигаретами.

Она не удивилась, когда услышала за спиной шаги. Не обернулась. Просто ждала.

Денис встал рядом, на расстоянии вытянутой руки. Он не курил — просто стоял, как будто тоже пришёл за воздухом.

— Ты всегда уходишь, когда становится слишком много, — сказал он.

— А ты всегда идёшь следом.

— Не всегда.

Вика усмехнулась. Внизу кто-то выгуливал собаку, и собака лаяла на фонарь. Звук был далёкий и почти успокаивающий.

— Помнишь, — начала она, и голос у неё был ровный, почти светский, — как ты сказал Сане, что устал быть моим спасательным кругом?

Денис замер. Она не смотрела на него, но почувствовала,

как изменилось пространство между ними — стало плотнее, как перед грозой.

— Что? — переспросил он.

— Ну, за неделю до твоего отъезда. Вы стояли на кухне у Лёши. Я зашла за льдом. Ты сказал: «Я устал быть её спасательным кругом». А потом ты уехал. И не попрощался.

Тишина. Долгая, как пауза перед ударом.

— Вика, — сказал он наконец, и голос у него был странный, будто он говорил через сжатые зубы. — Я такого не говорил.

Она повернулась.

— Говорил. Я стояла в дверях. У меня в руках был стакан. Я помню, как лёд таял, и вода капала на пол.

— Я не говорил «спасательным кругом». Я сказал «устал быть только другом».

Вика моргнула.

— Что?

— Я сказал Сане: «Я устал быть только другом. Я хочу больше». Я собирался сказать тебе это на следующий день. Перед отъездом.

— Но ты уехал.

— Потому что ты сказала мне при всех: «Мне не нужна твоя жалость, уезжай». Я решил, что ты всё слышала. И что ты отказала.

Вика почувствовала, как пол под ногами стал чуть менее твёрдым. Она оперлась на перила.

— Я не говорила «уезжай».

— Говорила. На прощальной вечеринке. Я подошёл к тебе, хотел поговорить, а ты сказала: «Мне не нужна твоя жалость». И отвернулась.

— Я сказала это не тебе.

— А кому?

— Сане! — Вика сама удивилась, как громко это прозвучало. — Саня сказал, что ты меня жалеешь. Что ты остаёшься со мной только потому, что мне плохо после мамы. Я сказала: «Мне не нужна его жалость». А ты стоял рядом. И ты слышал только половину.

Денис молчал. Он смотрел на неё так, будто видел впервые — или, наоборот, будто только сейчас увидел целиком.

— Я слышал, как ты говоришь «уезжай», — сказал он тихо. — И я уехал.

Ветер подул сильнее, и Вика поёжилась. Платье было тонкое, а вечер становился холодным. Она хотела сказать что-то ещё, но слова кончились. Все слова, которые она носила в себе восемь лет, вдруг оказались чужими.

— Я думала, ты меня бросил, — сказала она.

— Я думал, ты меня прогнала.

— И мы оба ошиблись.

— Похоже на то.

Они стояли рядом, и между ними было не восемь лет, а два неверных воспоминания. Вика смотрела на город внизу и думала, что если бы тогда, в той кухне, она зашла на минуту

позже, всё могло быть иначе. Или на минуту раньше. Или если бы он тогда не уехал. Или если бы она тогда сказала ему правду.

— Что именно ты слышала? — спросил Денис.

Вика открыла рот. И ничего не сказала.

Она вдруг поняла, что не помнит точно. Не помнит интонации. Не помнит, было ли там слово «только». Она помнила только «устал» и «спасательный круг» — и эти два слова она носила в себе, как приговор. А теперь оказалось, что приговор она вынесла сама.

— Я не знаю, — сказала она. — Я больше не знаю, что я слышала.

Денис кивнул. Медленно, как будто это было единственное, что он мог сделать.

За их спинами открылась дверь. Кто-то выглянул на балкон и крикнул, что сейчас будет первый танец и все возвращаются в зал. Вика не обернулась. Она всё ещё смотрела на город, на огни, на собаку, которая наконец перестала лаять.

И на два бокала, которые остались на столе номер семь. Они всё ещё стояли почти рядом.

Глава 4. Фейерверк

В зал они вернулись порознь. Вика — первой, через минуту после того, как за ней закрылась дверь. Денис — следом, с таким видом, будто вышел подышать и ничего больше. За столом номер семь уже никого не осталось: все ушли танцевать, и только два бокала всё ещё стояли почти рядом, как забытые свидетели.

Вика села на своё место. Денис сел на своё.

Первый танец Артёма и его невесты они смотрели молча. Вика делала вид, что ей очень интересно, как кружится белое платье. Денис делал вид, что ему очень интересно смотреть на Вику, которая делала вид, что ей интересно платье.

Когда музыка сменилась, он наклонился к ней.

— Я собирался позвать тебя с собой.

Вика повернула голову.

— Что?

— Тогда. За неделю до отъезда. Я собирался признаться и позвать тебя с собой. В Прагу. У меня была стажировка, и я подумал, что если ты поедешь, то всё будет иначе. Я даже купил второй билет. Вернее, не купил, а узнал, сколько он стоит. Я тогда плохо считал деньги.

Вика смотрела на него и не понимала, как можно было восемь лет не знать такой простой вещи.

— Ты никогда мне об этом не говорил.

— Я собирался. На прощальной вечеринке. Я подошёл к тебе, а ты сказала: «Мне не нужна твоя жалость». Я решил, что опоздал. Что ты уже всё поняла и не хочешь.

— Я не тебе это говорила.

— Я знаю. Теперь знаю.

Вика откинулась на спинку стула. В зале было душно, и кто-то опять включил громкую песню. Она вдруг почувствовала, что устала. Не от него. От себя. От того человека, которым она была восемь лет назад.

— А я, — сказала она медленно, — я стояла в дверях кухни и слышала, как ты говоришь, что устал. Я не слышала, что именно ты устал. Я слышала только «устал». И решила, что ты устал от меня.

— Вика...

— Подожди. Я не договорила. Я потом весь вечер ждала, что ты подойдёшь. Думала, ты скажешь что-нибудь. Объяснишь. А ты не подошёл. Ты уехал молча. И я решила, что ты просто сбежал.

— Я не сбежал. Я ждал, что ты подойдёшь.

— Я тоже ждала.

— Вот идиоты, — сказал Денис.

Вика фыркнула. Не хотела, но фыркнула.

— Не ругайся. Мы на свадьбе.

— Прости.

Они помолчали. За соседним столом кто-то уронил вилку, и она звонко стукнулась о пол. Вика посмотрела на Дениса.

Он смотрел на неё.

— Знаешь, что самое обидное? — сказала она. — Мы оба помним этот вечер. Но мы помним разные вечера. Ты помнишь, как признавался. Я помню, как меня бросили. И никто из нас не врёт.

— Я не признавался.

— Ты собирался.

— Но не признался. Я стоял и молчал, как дурак. А потом уехал.

— А я стояла и молчала, как дура. А потом осталась.

Они замолчали снова. И в этом молчании было что-то новое — не пустота, не обида, а какая-то очень усталая честность. Как будто они оба только что сняли тяжёлые пальто, которые носили восемь лет, и не знали, куда их теперь деть.

— Я не хочу спорить, — сказал Денис.

— Мы и не спорим. Мы просто... вспоминаем вслух.

— Это хуже.

— Да, — согласилась Вика. — Это хуже.

Она взяла бокал. Вино уже было тёплым и совсем невкусным. Она сделала глоток и поставила бокал обратно — не рядом с его бокалом, а чуть в стороне. Она не хотела, чтобы он думал, что она что-то этим хочет сказать. Хотя, может, и хотела.

— Ты собирался меня позвать, — сказала она. — А я бы поехала.

Денис посмотрел на неё. Долго.

— Ты бы поехала?

— Я бы поехала.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что ты не спросил.

Он закрыл глаза. На секунду. Потом открыл.

— Мы могли бы быть в Праге, — сказал он.

— Мы могли бы быть где угодно.

И тут за окнами что-то грохнуло. Вика вздрогнула. Денис тоже. Они обернулись к окну одновременно — как будто их кто-то позвал.

За стеклом, над крышами, расцветал фейерверк. Свадебный, конечно. Кто-то решил, что вечер должен закончиться красиво. Красные, золотые, белые огни рассыпались в небе и медленно гасли, оставляя после себя дым и лёгкий след.

Вика смотрела на огни. Денис смотрел на огни. Они стояли рядом, почти касаясь плечами, но не касаясь. И молчали.

Фейерверк был красивый. Очень красивый. Вика думала о том, что где-то внизу, на улице, люди, наверное, аплодируют. А здесь, в зале, музыка стихла, и все тоже смотрели в окна.

— Красиво, — сказала она.

— Да, — сказал Денис.

И они продолжали смотреть в разные стороны. Она — на золотые огни, которые гасли в чёрном небе. Он — на её профиль, который он не видел восемь лет.

За окном что-то ещё грохнуло. Вика не обернулась.

Денис тоже.

Глава 5. Одиннадцать слов

Утро после свадьбы началось с телефона, который лежал на подушке и показывал семь сорок три.

Вика полежала ещё минут десять, глядя в потолок и вспоминая вчерашний вечер по кускам, как плохо склеенную плёнку. Балкон. Ветер. Два неверных воспоминания. Фейерверк, который они смотрели в разные стороны.

Потом она встала.

Квартира была маленькая, но светлая, с окнами во двор и с кухней, где на подоконнике сохли три кружки, потому что Вика никогда не мыла их сразу. Она поставила чайник и открыла холодильник. В холодильнике были йогурт, половина лимона и бутылка белого вина, которую она купила в прошлую пятницу и не открыла. Вика закрыла холодильник и налила себе воды.

На столе в комнате лежал блокнот.

Он лежал там давно, среди счетов и распечаток, и Вика не трогала его годами. Это был не рабочий блокнот, а тот самый — школьный, с потрёпанной обложкой и страницами, пожелтевшими по краям. В нём были списки тем для сочинений. Катя — про любовь к родине. Миша — про свободу. Лена — про семью. Вика тогда писала за весь класс и гордилась этим, потому что чужие голоса давались ей легче, чем свой.

Она села на пол, прислонилась спиной к дивану и открыла блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.